

Кострюк (14)

Олонецкой губернии.

Как у нас было на матушки на святой Руси,
На святой Руси, да в каменной Москвы,
Государь Грозной царь Иван Васильевич
Не похотёл жаниться в каменной Москвы,
А похотел жаниться в поганой Литвы
У того Кострюка да у Демрюковича,
У того Кострюка да у черкасовина.
Оны съездили то в погану Литву,
Подымали то Марью Демрюковну.
Он брал-то в приданое триста татаринов,
Он брал-то в приданое триста поганных,
Он брал-то в приданое любезного шурина,
Кострюка да Демрюковича,
Съ:на он брал да черкасовина;
Приезжали оны в каменну Москву,
Принимали с Марьей по злату венцу.
Заводился у царя да почестен пир,
На многих князей да на бояров,
На сильниих могучиих богатырей.
На всех поляниц да на удалых
И на всех гостей да приходящих.
Как пир у них идет да на весели,
День-то идет да ко вечеру,
Красно солнышко идет да ко западу;
Как все тут на пиру напивалиси,
И все тут на пиру наедалиси,
И все на пиру пьяны-веселы сидят.
Как сидит тут государев шурина
Кострюк да он Демрюкович,
Сын-то он да видь черкасовин,
Он не ест, не пьет Кострюк, да он не кушает,
Белой лебедушки Кострюк да он не рушает,
Белым сахаром Кострюк да не закусывает.

Тут подходит к нему государь Грозной царь Иван Васильевич,
Сам он говорит да таково́ слово:
«Ай же шури́н мой любезной,
Кострюк да Демякович,
Ты почто не ешь, не пьешь, да ты не кушаёшь,
Белой лебедушки, Кострюк, да ты не рушаёшь,
Белым сахаром, Кострюк, да не закусываёшь?
Или место тебе да не полюби,
Али чаркой тебя да поббнесли,
Аль невежда над тобой да насмеялась де?»
Тут ответ держал Кострюк да он Демякович
Сын-то он, держал, да видь черкасовин:
«Ай же ты, государь, Грозной царь Иван Васильевич,
Да место-то мне видь полюби,
И чаркою меня да не обнесли,
И никто надо мной не насмеялся де,
А я-то не ем, не пью, да ведь не кушаю,
Думу я думаю крепкую:
Есть ли то у вас да в Москвы борцы молодцы
Со мной Кострюком поборотися,
Со мной Кострюком поводитися,
Этыя силки отведати,
А царя припотешить Ивана Васильевича;
Я триста борцов победил,
Пятьдесят городов под себя покорил,
А когда московских борцов поборю,
Тогда каменну́ Москву я под себя возьму».
Как тут ли государь Грозной царь Иван Васильевич
Говорит-то он да таково́ слово:
«Ай же ты, Никита Романович,
Ты выдь-ко на крыльцо да на красное,
Закрычи-тко ты во всю голову,
Штобы слышно было на всю Москву:
Есть ли у нас да в Москвы борцы,
Есть ли у нас да в Москвы молодцы,
С Кострюком поборотися,
С Кострюком поводитися,
С государевым шурином,
Этыя силки отведати,

А царя припотешить Ивана Васильевича».
Как по грехам сочинилосе
И в Москвы борцов не пригодилосе,
Как только случилосе, как только пригодилосе,
Два брата Ондреевичи:
Один Васенька маленькой,
Да Обросинька хрѳменькой.
Как Васенька бежит-то поскакивает,
А Обросинька с ножки на ножку припадывает.
Прибежали оны на царськой двор
И расскочились оны да по царському двору,
Самы говорят да таково́ слово:
«Здравствуй старшой князь, да Никита Романович,
Сметь ли нам поборотися,
Да сметь ли нам поводитися
С государевым шурином,
С Кострюком да Демрюковичем
С сыном-то да черкасовином;
Но не будем ли в опѳене великие,
Но не будем ли в опале во царские?
Но на том мы и боротца пойдем:
Кто кого поборет, с подборотнего платье снять
И нагого по двору́ опустить,
По двору да по царському, по крыльцу да по красному».
Как тут Никита Романович
Приходит во палаты белокаменны,
Сам он говорит да таково́ слово:
«Как хлеб-соль на́ столи
И Бог на́ стены,
А у нас борцы на́ двори».
Как тут ли Кострюк да Демрюкович
Он с тоя со великие радости
Он повскочил из-за́ стола дубового
И он пнул ногой в скáмейку кленовую,
Он тридцать победил да татаринов,
Тридцать победил да поганных.
«Буди прѳклят ты, Кострюк да Демрюкович!
Как бы тебе туда на двор идти,
А оттуда бы тебе со двора не придти!»

Тут повыскочил Кострюк на широкой двор.
Говорит тут Обросинька хроменькой:
«Не хочу я с Кострюком-то боротися,
Да не хочу я с Кострюком-то и водитися,
И не хочу я с Кострюком-то и рук марать»;
А говорит тут Васенька маленькой:
«Ну я по́йду с Кострюком-то боротися,
И я по́йду с Кострюком-то поводитися,
Этыя силки огведати,
А царя припотешити, Ивана Васильевича;
Но не буду ли я в опёне великие,
И не буду ли я в опале во царские?
Но на том я и боротца пойду:
Кто кого поборе, с подворотнего платье снять
И нагово по двору опустить».
Говорит тут Никита Романович:
«Ай же ты, Васенька маленькой.
Если Бог тебе пособит Кострюка побороть,
Смело с его платье снимай
И нагово по двору опускай,
И не будешь ты в опёне великие,
И не будешь ты в опале во царские».
Как тут был Кострюк на́ ногах,
Очудился Кострюк на буйно́й голо́вы;
На попутье Вася платье снял
И нагово по двору́ опустил.
Не побежал Кострюк по крыльцу по красному,
А побежал Кострюк под крыльцо под красное.
Как выходит тут царица государыня,
Марья она да Демрюковна,
Сама-то говорит да таково́ слово:
«А что у вас за véра в каменной Москвы:
Кто кого поборе, с подворотнего платье снять
И нагово по двору опустить!»
И говорит тут Никита Романович:
«Ай же ты, царица государыня,
Марья ты да Демрюковна,
Ну на то у нас и боротца пойдено:
Кто кого поборе, с подворотнего платье снять

И нагово по двору́ опустить».
Как тут стыдно было жить Кострюку в каменнóй Москвы,
Уехал Кострюк во свою землю,
Во свою землю́ и в погану́ Литву.
Тут век про Кострюка да старину поют,
Синему морю на ути́шенье,
Вам всим добрым мóлодцам на послу́шанье.

*(Записана Ф. М. Истоминым в 1886 г. в Космозерском погосте,
Петрозаводского у. Олонецкой губ. Напечатана им в сборнике «Песни
русского народа, собран. в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886
г.». Записал слова Ф. М. Истомин. Напевы Г. О. Дютш, под № 5, стр. 42-46)*

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград,
1915.